

Социология как наука о действительности: логическое основоположение системы социологии

Введение *

Ханс Фрайер

Олег Кильдюшов
(перевод)

Научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и издательство «Владимир Даль» (Санкт-Петербург) приступают к работе по переводу и изданию ключевого труда известного немецкого философа и социолога Ханса Фрайера «Социология как наука о действительности: логическое основоположение системы социологии» (1930). В начале 1920-х Фрайер, ставший первым профессором собственно социологии в Германии, выпустил несколько важных трудов по широкому кругу проблем социальной науки и политической философии. Представленное здесь «Введение» к первой чисто социологической работе этого мыслителя носит характер программного манифеста, в котором формулируются базовые принципы понимания социологии и ее предмета как общественного и исторического феномена. По мнению автора, эта научная дисциплина возникает в обществе, которое отделяется от государства; теперь вместо очевидного и устойчивого порядка приходит ненадежное, непредсказуемое и проблематичное для самого себя общество. Таким образом, одновременно со становлением социологии появляется ее объект: гетерогенное «общество», ставшее автономным от государства и резко расходящееся с ним с точки зрения принципов образования социальной жизни. При этом спецификой европейской социологии является ее укорененность не только в истории, но и непосредственная содержательная связь с предшествующей философской традицией. Это позволяет Фрайеру поставить вопрос о философском основании социологии как научной системы. Здесь же он формулирует задачу определить формы этой системы и очертить ее основные линии. Отдельный интерес с точки зрения истории науки представляет структурное и методологическое сопоставление европейской социологии с американской версией дисциплины.

Ключевые слова: социология, действительность, система, Европа, философские основания, американская социология, культура

* Перевод выполнен по изданию: *Freyer H. (1930). Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft: Logische Grundlegung des Systems der Soziologie. Leipzig, Berlin: B. G. Teubner. S. 1–12.*

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ «Этика солидарности и биополитика карантина: теоретические проблемы культурно-политических трансформаций в эпоху пандемий», реализуемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

Идеи, которые разрабатываются в этой книге, порождены стремлением дать системе социологии философское основание. У тех, кто сегодня серьезно занимается социологией, такое желание есть и должно быть. Это не бегство от фактов к принципам, не возвращение социологии к ее философской предыстории, не уклонение от острых вопросов времени. Это обязательство неизбежно возникает у социологии перед самой собой, если она хочет превратиться из интересного «способа рассмотрения» или возможной «точки зрения» в полноценную науку.

Несомненно, что для научной социологии существует угроза утратить контакт с общественной действительностью. Но этой опасности не избежать, произвольно обрывая дискуссии о философских основаниях социологии, о форме ее системы, ее месте в пространстве наук и делая сальто в так называемые факты. Самая далекая от жизни социология часто практикуется именно теми социологами, которые решительно проделали подобное сальто. Имеется социальное настоящее, которое не только таит в себе проблемы, но и само является проблемой. Кажется, что оно должно мобилизовать всю мощь нашей мысли. Даже если из круга задач социологии можно временно исключить вопрос о том, что будет, остается вопрос о том, что есть, и уже он-то может полностью занять целую армию социологов. При этом академическая социология в значительной степени удовлетворяется тем, что распределяет виды человеческих отношений по рубрикам, каталогизирует типы социального поведения, формулирует структурные законы «группы в целом». Нынешние явления оказываются более предпочтительными в качестве примеров по чисто техническим причинам, и только из-за того, что они непосредственно доступны нашему наблюдению. Ведь социология — это точная систематическая дисциплина. Она анализирует, измеряет, сравнивает; она ищет элементы социальных взаимоотношений и их закономерности. Смыслополагание здесь исключено. Внутренняя связь, которая раньше была у социологии с историей и даже *horribile dictu* с философией истории, вредит ее систематическому характеру и уводит в спекуляции, поэтому эту связь нужно радикально разорвать. Этот неизбирательный эмпиризм, который легкомысленно ориентируется на идеал других систематических наук и превращает социологию в каталог общественных явлений, вероятно, и есть ее наиболее далекий от жизни момент, какой только можно сконструировать. Один из главных тезисов этой книги состоит в том, что социология, забывая исторический характер своего предмета и гонясь за идеалом абстрактной систематики, не только отказывается от всякого жизненного смысла, но и прямо уничтожает свой предмет. Но это означает, что необходимо возобновить и продолжить философское размышление о самой социологии, ее предмете и форме мышления. При правильном подходе такое рассуждение отнюдь не уводит социологию от общественной действительности. Скорее, оно является предпосылкой для того, чтобы социология ясно видела эту действительность и точно схватывала ее.

Мечта о том, что социология сможет преодолеть кризис эпохи через понимание того, что политика однажды станет прикладной социологией, как техника стала прикладной физикой, возникла в момент зарождения этой дисциплины.

Даже если только скромная частичка этой мечты станет действительностью, то это станет возможно лишь путем конструирования социологии в качестве науки с собственным принципом и по собственным правилам. Невозможно научно овладеть общественным миром, называя все явления, несущие в себе признаки общественного, иностранными словами и аккуратно упорядочивая их по типам. Прежде всего потому, что так вы никогда не обнаружите точку, из которой этот мир можно привести в движение. Будет чистой наивностью, просто неприемлемой в науке, полагаться на то, что родство предметов и их очевидная реальная взаимосвязь уже гарантируют единство науки о них. Естествознание также не заключается в том, чтобы инвентаризировать и классифицировать все, что является «природой». И история не заключается в том, чтобы фиксировать и упорядочивать все культурно значимые события. Только когда мы подходим к объекту с осознанной познавательной волей и с характерной, проясненной для себя познавательной установкой, знание о нем становится наукой. Каждый раз перед наукой встает чисто кантовский вопрос: «как возможно» естествознание, история, социология? Что, конечно, вовсе не говорит о том, что на этот кантовский вопрос нужно давать и кантовский ответ. Само собой разумеется, что научная работа не должна ждать, пока научно-теоретическое размышление придет к своему завершению. Одна из самых восхитительных тем всей истории науки — анализировать то, как перетекают друг в друга практическое индивидуальное исследование и методологическая дискуссия, наивное творчество и осознание принципов. Замечательно, когда решительный человек делает открытие, не спрашивая, как оно «возможно», и доказывает прочность фундамента тем, что его здание стоит. Отдельный исследователь суверенен в своей постановке вопросов и в своей процедуре. Но для науки принципиальное самосознание основы, на которой она покоится, — это не роскошь или необязательное добавление, а интегрирующая часть ее ответственного действия, условие ее системы и условие ее жизнеспособности.

Конечно, никому не возбраняется жаловаться на то, что социология все еще не вышла за рамки основоположений. Это несомненный признак того, что социология еще не нашла своего места в системе наук, а только ищет его. Но непозволительно просто отвергать эти научно-теоретические дискуссии как особую разновидность немецкой раздвоенности или немецкой нерешительности. Очевидные причины, лежащие не только в истории социологии, но и — как будет показано — в нынешнем состоянии всей системы наук, обуславливают то, что определение места социологии по-прежнему является проблемой. Необходимо показать, что вопрос о том, чем может и должна быть социология, глубоко затрагивает вопрос о сущности, разделении и призвании современных наук вообще. Как по-своему правильно считал Конт, социология не просто «протискивается» в готовую систему наук как последнее ее звено, которого до сих пор не хватало. Но она изменяет эту систему в целом, она революционизирует ее, она прямо-таки создает новый тип науки. И только после того, как эти более глубокие изменения будут осмыслены с точки зрения всех последствий, можно будет определить задачу и системную

форму социологии. Этим положением с множеством предпосылок обусловлено то, что предыдущая история социологии в значительной мере является историей самой проблемы социологии. Мы считаем ее разрешимой, но, конечно, не отрицая или пытаясь взять нахрапом, а посредством ее проработки. Таким образом, мы не отклоняемся от темы, а, наоборот, приближаемся к ней, не тормозим ее изучение, а развиваем его, продолжая философское рассуждение о социологии и, если нужно, доходя до самых принципиальных вопросов: о системе наук вообще, об их отношении к действительности, об их призвании.

В этой ситуации не сильно помогают попытки прервать дискуссии о социологии с помощью лозунгов типа: «Давайте станем как американцы! Мы уже примерно представляем, что такое общественная жизнь, так что ничто не мешает нам исследовать эти разнообразные и к тому же крайне интересные явления по всем правилам искусства. Только больше фактов, больше анкет, больше командной работы, и тогда быстро получим то, что нужно знать и что можно применять».

Подобные призывы обычно лишены всякого понимания особой познавательной задачи социологии и ее связи с общественной действительностью, образующей ее объект. В трогательном благоговении перед всем, что движется по конвейеру, путают социологическое познание с автомобилем. Конечно, по весьма веским причинам можно считать, что американские автомобили в настоящее время лучше наших, и отсюда выдвигать непосредственные требования к нашему производству. Но социология — это научное самосознание общественной действительности. Кроме того, с точки зрения состояния ее проблем и внутренней формы ее мышления она неизбежно определяется своей историей. По этим двум причинам для нашей социологии невозможно просто перенять в качестве нормы собственного развития конструктивные модели и способы производства, которые были сформированы в других местах и зарекомендовали себя там. Она ничего не выиграет, а только проиграет, если станет игнорировать условия своего существования и своей сущности и попытается принять чужой облик.

Разумеется, у немецкой социологии есть не только теоретический интерес к основательному ознакомлению с разносторонней, хорошо организованной, открытой для всех нынешних проблем социологией американцев; но она также может надеяться получить для себя значительную выгоду от духовного обмена и полемики с ней. Заслуга Андреаса Вальтера в том, что в поучительной, убедительно написанной книге¹ он дал немецким социологам обзор того, что свойственно сегодняшней американской социологии, чем она отличается от нашей и в чем она может быть для нас примером. Сотрудничество социологии с другими социальными науками, облегченное более удачной организацией факультетов, особенно тесные связи с социальной психологией, склонность и способность к «case studies», стремление к социологическому образованию социальных чиновников, богосло-

1. Х. Фрайер имеет в виду книгу, написанную А. Вальтером после поездки в США, во время которой тот изучал эмпирическую социологию Чикагской школы: *Walther A. (1927). Soziologie und Sozialwissenschaften in Amerika und ihre Bedeutung für die Pädagogik. Karlsruhe: G. Braun. — Прим. перев.*

вов и педагогов, вообще к «социализации профессий» — все это многообещающие тенденции и стимулы, к которым немецкие университеты должны отнестись с максимальным вниманием².

Даже для А. Вальтера американская социология сегодня является «наиболее консолидированным проявлением нашей науки». Даже для него она единственная — что достойно похвалы — преодолела стадию методологических дискуссий и приступила к подлинной работе. Но именно потому, что Вальтер настоящий знаток этих вещей, он совершенно ясно видит, что «американская социология является органическим продуктом определенной культуры и потому не может просто переноситься в другую культуру».

Если социология, как мы говорили ранее, представляет собой научное самознание общественной действительности, то она очевидно в совсем ином смысле и гораздо более тесно, чем другие духовные произведения, связана с культурой, к которой принадлежит. Она не просто — как любое научное достижение или произведение искусства — молча и бессознательно, физиогномически, несет в себе дух своей культуры. Ее понятия, вплоть до последнего, помимо прочего, нацелены на действительность определенного общественного порядка и должны быть таковы; ее категории и методы вырастают из реальных проблем определенного социального порядка на определенном этапе его развития, они и должны вырастать из них. Если наша социология энергично приступит к систематическому изучению нынешнего общества, в чем американская может служить нам формальным примером, то ей нужно быть готовой к тому, что «отвес», которым она тестирует свою действительность, будет на весьма значительный угол отклоняться от «отвеса» на других меридианах.

Хотя социальная структура Америки, конечно, не просто менее сложная, чем в европейских государствах, в ней к тому же отсутствуют некоторые элементы, которые здесь являются неизбежными. Даже социологически имеет значение, что в стране нет базальта и обветшалых замков. И есть другие, гораздо более осязаемые проблемы — вопросы иммиграции, расы, ассимиляции — которые оказываются в общей структуре прямо на месте исторически обусловленных и сложных европейских членений. Социологические понятия «класс», «пролетариат», «ремесло», «чиновничество» и даже «большой город», «крестьянство», «государство», применяемые и здесь, и там, несут сильно разнящиеся нюансы смыслов. Вернее, это вообще не та же самая система понятий, которая могла бы применяться здесь и там, просто давая в каждом случае иные содержательные результаты. Любая социология, серьезно подходящая к своей задаче быть конкретной наукой об общественной действительности, должна с самого начала осознавать, что ее понятия

2. Многие немецкие ученые, понимавшие социологию прежде всего как гуманитарную науку, скептически восприняли продвигаемые в книге Вальтера эмпирические методы американских коллег. Среди редких исключений — Фердинанд Тённис, поддержавший новые подходы. См.: *Waßner R.* (1988). *Andreas Walther und seine Stadtsoziologie zwischen 1927 und 1935 // Waßner R.* (Hrsg.). *Wege zum Sozialen: 90 Jahre Soziologie in Hamburg.* Opladen: Leske und Budrich. S. 69–84. — *Прим. перев.*

должны быть написаны на теле этой действительности, то есть быть исторически насыщенными. Даже ее абстрактнейшие категории должны быть хотя бы минимально исторически насыщенны. Общее устройство ее системы должно определяться этим требованием. Было бы несложно объяснить некоторые характерные особенности американских систем социологии, например, уход на второй план социальных образований по сравнению с социальными способами поведения и формами действия, и, наоборот, центральное положение таких понятий, как «настроение», «роль», «ситуация», «behavior-pattern» и т. д., сущностными чертами той социальной действительности, к которой эти понятия относятся. Эта действительность на самом деле в гораздо большей мере состоит из социальных установок, чем из социальных образований. Социология обязана сделать, таким образом, всю свою систему, вплоть до фундамента, адекватной внутреннему строению социальной действительности. Только так она может постигать, истолковывать, становиться жизненно значимой. Однако понимание того, что социология является «органическим продуктом определенной культуры и потому не может просто переноситься в другую культуру», еще только предстоит подтвердить посредством данных размышлений.

Проще привести доказательство того, что европейская социология в силу своей истории принуждается к совершенно определенным постановкам проблем, к совершенно определенным формам мышления; что она должна осознанно придерживаться этой траектории и только в ущерб себе может поменять ее на другую. Даже опираясь на это научно-историческое сознание, ни в коем случае нельзя отрицать, что отдельные достижения, которые первой осуществила американская социология, могут стать стимулом и образцом для подражания. Это лишь докажет, что европейская социология в силу своего исторического происхождения должна управлять собственным научным достоянием, исходя из собственных норм.

Американская социология, которая в лучшем случае восходит к 70-м годам XIX века, изначально находится под сильным влиянием Герберта Спенсера. Первые десятилетия ее развития — это история ее освобождения от Спенсера: от его метафизических идей, историко-философских построений, этнологических наклонностей, от его взгляда на общество как организм, а также от его либерализма. В полемике со Спенсером Уорд, Гиддингс и Смолл разработали эмпирический, направленный на настоящее, не биологически, а психологически ориентированный, активистский тип самостоятельной американской социологии.

Для европейской же социологии Спенсер — это эпигон; это завершение и почти отголосок первого периода, когда социология оторвалась от философских движений самого различного рода и превратилась в самостоятельную науку. Уже в этот первый период европейская социология постигает свою задачу совершенно ясно и, несмотря на многообразие формулировок, очень единообразно. Она строится как наука о классовом обществе высокого капитализма, как наука о структуре, происхождении, законах движения и тенденциях развития этого общественного порядка европейского настоящего. Философские противоречия между системами,

различия между естественнонаучной и гуманитарно-исторической социологией, между позитивистским и метафизическим подходами к познанию почти исчезают перед лицом этого единодушия по отношению к предмету. При этом все системы первой половины и середины века как во Франции, так и в Германии отчетливо осознают то, что общественный порядок, составляющий их конкретный объект, является совершенно новым фактом в истории человечества. Социология знает, что, появившись поздно, она не запаздывает; как было бы, если бы ее предмет давно существовал, но только до сих пор ускользал от внимания науки. Она знает, что возникает одновременно со своим объектом, а тот — одновременно с ней. По мере того, как в исторической действительности набирают силу общественные движения, независимые от государства и автономные относительно его развития, в царстве наук как бы созревает социологическое мышление. Это духовный коррелят буржуазных революций. Таким образом, соотношение общественного движения и государственного порядка собственно и есть основная тема классических систем европейской социологии. Государство — общество, это противопоставление вовсе не является лишь отзвуком гегелевской систематики. Оно обозначает духовное происхождение и неотъемлемую исходную проблему нашего социологического мышления.

Из этих исторических взаимосвязей сразу следуют известные трудности, в контексте которых должна была развиваться социология в Европе и в контексте которых она пребывает до настоящего времени. В то время как американская социология — в высшей степени колониальная — могла строиться как бы на пустом месте, без существенной философской предыстории, наша должна была выделять свою проблему из плотного сплетения наложенных друг на друга философских и научных постановок вопросов. Отсюда возникло то положение, которое часто (не совсем верно) описывалось следующим образом: социология как поздний ребенок должна «протискиваться» в сложившуюся систему наук; она должна смотреть, где еще можно найти предметы для ее исследовательского рвения, и потому всегда встречает обоснованные сомнения в том, существуют ли такие предметы вообще. Позже нужно будет показать, что это описание не точно характеризует существующее положение, а сильно упрощает его. Но уже сейчас получается вот что: постановка проблемы, вместе с которой возникает европейская социология, тем не менее самым сложным образом переплетается с постановкой проблем в других, более старых науках: науке о государстве, юриспруденции, экономической науке, истории, наконец во всех науках о культуре вообще. Предмет социологии — определенный общественный порядок, его становление, структура и тенденции развития — как бы перпендикулярен тому направлению, в котором обычно мыслится классификация гуманитарных наук. То, что она с самого начала должна заниматься особенно глубокими принципиальными вопросами, понятно и так.

Однако сложные исторические условия, в которых выросла европейская социология, теперь действительно обозначают не только бремя трудностей, но и приданое в виде содержания проблем и подходов к решению. Гегелевская диалектика

и позитивистская философия истории — две самые грандиозные идейные конструкции, с помощью которых до сих пор осмыслялся исторический мир — стоят у истоков европейской социологии, входят в ее первые системы и неотделимы от ее истории. Конечно, именно социология в своем дальнейшем развитии способствовала тому, что схематизм гегелевской системы и закона трех стадий Тюрго был сломлен или преодолен. Безусловно, в еще большей мере стоит задача очищения науки о структуре и законах движения общества от догматической метафизики, от несостоятельной спекуляции, от смутной веры в прогресс. Но если бы мы решили пожертвовать философским духом, вставшим на пути нашей социологии как обычное препятствие, и вместо него стали заклинать социологию, которая никогда не чувствовала и намека на этот дух, мы бы действительно продали наше первородство за чечевичную похлебку.

Ведь историко-философская масса идей, из которых возникает европейская социология, вовсе не оттеснила ее от собственного призвания — эмпирического исследования общественных состояний. Но она сформулировала ее задачу, поставила ее тему, сформировала ее предмет. Это общая мысль всех классических систем европейской социологии: нынешний общественный порядок — это историческая категория, он есть звено в цепи общественных образований, он содержит в себе усиливающиеся противоречия, а с точки зрения философии истории он есть отрицание, антитезис, который можно и нужно снять. Несмотря на различие формулировок и обоснований, это верно как для Сен-Симона и Конта, так и для Лоренца фон Штейна и Карла Маркса. В этом понимании и оценке нынешнего общества кроется вся великая динамика гегелевской философии истории, ее дальнейшее развитие в младогегельянском смысле, а с другой стороны — смелый рационализм позитивистского мышления об истории. Мы бы вернулись на 150 лет назад, если бы стали снова рассматривать буржуазный общественный порядок нашей культуры и эпохи как своего рода естественный порядок, а его частные феномены, не спрашивая об их историческом смысле, рассматривать как законы природы.

«Общество», познание которого европейская социология принимает как свое призвание, есть историческая величина, это поле уникальных необратимых движений и резких исторических решений. Говоря по-гегелевски: это «ступень» объективного духа. Говоря по сен-симонистски: это «критическая», а не «позитивная» эпоха в истории человечества. Это не означает ни того, что какая-либо конкретная философия истории должна сохраняться навсегда в качестве основания нашей социологии, ни того, что социология, получившая свои важнейшие стимулы от философии истории, должна навсегда оставаться связанной с ней. О том, как ее следует отделять от исторической науки и философии истории, нужно будет сказать более подробно. Но большая разница, сохранять ли богатое историческое содержание и философскую глубину, которым наша социология обязана своей родословной, или выбросить за борт как неудобное обременение. Ранние системы европейской социологии становятся ценными образцами для наших систем не из-за того, что они философски дедуцируют или философски переодевают свое

понятие общества, а скорее из-за того, что они с ответственной волей к познанию постигают действительность как свершающуюся историю. Их социология просто более притязательна, логически гораздо более ценна, а именно более конкретна, чем то, что сегодня представляется большинству желательным типом логически чистой социологии. Их социология не погибла, как иногда утверждается, вместе с крахом гегелевской системы или вместе с преодолением позитивизма, как и не была опровергнута Генрихом фон Трейчке. Конечно, ни один вопрос научной теории не может решаться ссылкой на исторические авторитеты. Сделать это может только систематическое размышление о сущности общественной действительности, о возможности ее познания и о положении социологии в системе наук. Так что только она сможет ответить и на вопрос, что в истории социологии является преодоленным этапом, что — тупиком, а что — энергичным подходом; где мы должны просто продолжать, а где — развивать глубже.

В качестве направляющей идеи (или, если угодно, в качестве постулата) за нашими научно-теоретическими соображениями стоит тезис: социология есть систематическая дисциплина в строгом смысле слова; существует система социологии. Опираясь на осмысление предметной структуры общественных фактов и логического своеобразия социологического познания, можно будет определить особую форму этой системы; и далее будет предпринята попытка прочертить ее основные линии.

Выдвигая тезис о системном характере социологии, мы в нашей книге (опять-таки с полным осознанием) противопоставляем наши идеи некоторым нынешним концепциям и направлениям социологии; в частности, тем, что хотят «возвысить» социологию до универсальной и специфически современной точки зрения, до главной точки зрения, до последней инстанции интерпретации, до критики всех остальных наук и способов мышления, то есть на самом деле лишить ее яркости. Одна из угроз для сегодняшней социологии, особенно в Германии, заключается в том, что она становится самой рассудительной, верой неверующих, нигилистической позицией. Превозносить ее как замену для утративших веру в философию так же ошибочно, как было ошибочно превозносить философию как замену для утративших религиозную веру. Против этих явно обусловленных временем стремлений мы выдвигаем тезис: социология есть наука о четко определенном и ограниченном объекте: общественной действительности, и она есть система в самом строгом смысле слова. Задачу помещения общественной действительности настоящего времени в научное сознание — если таковая будет признана центральной задачей социологии — следует обосновать как необходимое звено самой этой системы.

Sociology as a Science of Reality: A Logical Foundation for the System of Sociology

Hans Freyer

Oleg Kildyushov (translator)

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

The Centre for Fundamental Sociology (HSE University, Moscow) and Vladimir Dal Publishing House (St. Petersburg) have initiated the Russian translation and publication of *Sociology as a Science of Reality: A Logical Foundation for the System of Sociology* (1930), a key work of the famous German philosopher and sociologist, Hans Freyer. In the early 1920s, Freyer, who became the first full professor of sociology in Germany, published several seminal works covering a wide range of topics in social science and political philosophy. The Introduction to the thinker's first work on sociology in its proper meaning, published here, has the characteristics of a program manifesto outlining the basic principles for comprehending the discipline and its subject matter as a social and historical phenomenon. Freyer argues that sociology as a scholarly discipline emerges in a society that is being detached from the state; now, instead of an obvious and stable order, an insecure, precarious and unpredictable society arises, becoming a problem for itself. Consequently, alongside the formation of sociology, its object emerges; it is a heterogeneous "society" that has gained autonomy from the state while sharply divergent from that same society regarding the principles of the organization of social life. Meanwhile, the distinctive feature of European sociology is not simply its embeddedness in history, but its immediate substantial connection with the preceding philosophical tradition. This enables Freyer to raise the question of the philosophical basis of sociology as a scientific system. He also formulates the task of defining the forms of this system and outlining its primary lines. The structural and methodological comparison between the European sociology version and the American version of the discipline is particularly interesting from the perspective of the academic history.

Keywords: sociology, reality, system, Europe, philosophical foundations, American sociology, culture